

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

УДК 37.014

DOI: 10.17223/19988648/37/20

Ю.Г. Швецов

О БЮРОКРАТИЗАЦИИ И ЗАСТОЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ И НАУЧНОМ СЕКТОРАХ НЕПРОИЗВОДСТВЕННОЙ СФЕРЫ РФ

В статье рассматриваются вопросы кризисного состояния системы образования и науки в России. Выявлены и проанализированы важнейшие факторы, обуславливающие низкий уровень предоставления образовательных услуг учебными заведениями страны, а также причины, порождающие невысокую эффективность научных исследований. Приводится сравнительная характеристика систем образования и науки в СССР и РФ. Показана негативная роль Минобра РФ в управлении наукой и образованием в обществе.

Ключевые слова: образование, наука, государственные расходы, министерство, вуз, преподаватели, ученые, государственный стандарт, творчество, ВАК, аспирантура, диссертации, диссертационный Совет, коэффициент Хирша, общественные дисциплины.

Система образования в моем понимании представляет собой последовательность дошкольного, школьного (среднего), послешкольного (среднего профессионального и высшего) образования, аспирантуры (докторантуры). Чередование этих компонентов носит характер системы и подразумевает необходимость ее поддержки на государственном уровне. Практически все страны на разных этапах своего развития и с полярным общественно-экономическим строем уделяли и уделяют повышенное внимание росту эффективности предоставления образовательных услуг в рамках проведения одного из направлений бюджетной политики национального правительства.

Было бы интересно сравнить организацию системы образования в СССР и Российской Федерации с позиций оценки ее результативности и роли государства в регламентации данного сегмента непроектной сферы. Ностальгия по социалистическому прошлому в данном случае является вполне уместной, ибо советская система образования целиком основывалась на ее полноценном государственном финансировании, что обеспечивало равную доступность образования детям независимо от социального статуса родителей по всей цепочке возрастного роста.

Второй плюс образования времен СССР – его бесплатность. Правда, имелся дополнительный ярус образовательных услуг, и касался он детей родителей партийной номенклатуры и лиц, обладателей престижных профессий (в частности, торговых работников). Специализированные средние школы с разнообразными уклонами (углубленное изучение иностранных языков, физики, математики и проч.), блат при поступлении во все вузы, а особенно в престижные (МГУ, МГИМО и др.), по сути, являли собой дополнительные

образовательные услуги, предоставляемые не за деньги, а в качестве своеобразного бартера – в обмен на услуги иного рода.

Третье преимущество советской системы образования – почти стопроцентное распределение молодых специалистов после окончания учебных заведений, наличие которого было очень мощным социальным и материальным стимулами для получения соответствующего диплома. Вышеперечисленные крупные достоинства советской системы образования обуславливали ее достаточно высокую эффективность и конкурентоспособность с зарубежными аналогами, прежде всего в технических, естественных отраслях знаний, медицине, культуре, искусстве.

Что же может противопоставить всему этому российский вариант образовательной деятельности? Как выясняется, по существу, практически ничего. К настоящему времени в Российской Федерации расслоение населения по жизненному уровню привело к резкой дифференциации уровня образовательных услуг. Даже дошкольное образование (в детских садах и яслях) варьируется по цене и качеству обслуживания. Равная доступность уже означает лишь минимально гарантированный государством набор образовательных услуг за минимальную плату. Более качественный уровень (лучшее питание, более богатая система досуга и воспитания) предполагает уже повышенную цену, которую назначают так называемые коммерческие дошкольные учреждения. Тем самым преимущества советской системы образования – бесплатность, равная доступность и гарантии трудоустройства – ликвидированы, что в общем-то соответствует основам рыночной экономики.

Однако разрушив все то положительное, на чем базировалась образовательная деятельность в СССР, ее российский аналог взамен не предложил абсолютно никакой разумной альтернативы, что привело к полному разрушению всей «образовательной пирамиды» в государстве.

Школьное образование находится в полнейшем упадке, причем уже достаточно длительное время. Материально-техническая база школ выглядит угнетающе, зарплата учителей едва дотягивает до прожиточного минимума. В таких условиях трудно ожидать от школьного образования полноценной отдачи, солидной подготовки школьников для написания ненавистного ЕГЭ и к поступлению в вузы. В схожем положении пребывает система среднего профессионального образования. Денег на его содержание в бюджетах всех уровней катастрофически не хватает, постоянно происходит сокращение и объединение различных колледжей, снижается число как набора учащихся, так и преподавателей. Те же беды – низкая материально-техническая база и недостойная зарплата обучающего персонала закономерно могут привести в скором будущем к полному исчезновению этого вида послешкольного способа получения знаний.

В высшем образовании все последние годы неуклонно прослеживается процесс сокращения доли государственных расходов в финансировании вузов. Растет как число негосударственных образовательных учреждений, не имеющих бюджетных источников формирования денежных ресурсов, так и количество вузов, у которых преобладающими являются внебюджетные финансы. Доля бюджетных мест при наборе студентов, в общем числе зачисленных в высшие учебные заведения, все время сокращается. Это наглядно

иллюстрирует факт негласного свертывания программы участия государства в подготовке высококвалифицированных кадров для нужд национальной экономики.

За весь период существования самостоятельной российской державы неуклонно проявляется тенденция «вымывания» средств на образование из бюджетов всех уровней. Это касается как величины ассигнований, напрямую направляемых на образование по соответствующим статьям расходной части бюджетов, так и размеров оплаты труда лиц, занятых в преподавании в вузах и обучении в колледжах и школах. Государство, по существу, устраняется от поддержания материально-технической базы образовательного процесса, что является полным нонсенсом.

Если и имеется какой-либо самый крупный объект, по своей важности превосходящий остальные и подразумевающий эксклюзивный характер опеки его со стороны метрополии, то это как раз система образования. Трудно представить себе более стратегически приоритетное направление, связанное с перспективами будущего развития, на которое следовало бы обратить более пристальное внимание любому национальному правительству. Не случайно абсолютно все страны с развитой экономикой демонстрируют все последние годы тенденцию, прямо противоположную российской, – увеличение удельного веса расходов, вкладываемых в образование, в общем объеме целевого финансирования.

Рассматривая структуру государственных расходов РФ, нетрудно заметить, что преобладающее место среди них занимает статья «Содержание органов власти и управления», а прослеживая динамику изменения соотношения ассигнований по различным направлениям приложения бюджетных средств, нельзя не обратить внимание на то, что вышеуказанная статья, как губка, впитывает в себя все большую сумму финансовых ресурсов. Происходит скрытая бюрократизация государственного аппарата: увеличивающаяся в арифметической прогрессии величина денежных средств отвлекается от инвестирования в приоритетные отрасли непродуцированной сферы и направляется на содержание бюрократии, на удовлетворение все возрастающих ее запросов и потребностей. Попросту говоря, бюджет «проедается» чиновничьей номенклатурой.

Перспективные потребности развития общества не входят в приоритетные цели бюрократического аппарата, приватизировавшего государство. Образование, по сути, для него является в настоящее время «нелюбимым дитятей»: нормально поить-кормить его оно не желает, а совсем бросить на произвол не позволяют приличия. Таким образом, эволюция системы образования в России по сравнению с периодом СССР происходит по принципу: **от бесплатной эффективности – к платной ущербности.**

В последние годы политика государственного ведомства, отвечающего за состояние образования в стране, стала еще более разрушительно-агрессивной, прежде всего в отношении высших учебных заведений, которые были поставлены в тяжелейшие условия балансирования на грани выживания обременительным засильем административного произвола и прессингом номенклатурного беспредела. Как же такое могло случиться?

Система образования и науки в РФ объединяет в себе трудовые усилия наиболее высококвалифицированных кадров национального хозяйства, составляющих интеллектуальную элиту, золотой фонд общества, его духовный и нравственный авангард. Создание благоприятных условий для реализации творческого потенциала этой наиболее ментально активной категории населения есть прямая обязанность государства, которое должно думать не только о текущих проблемах поддержания необходимого материального уровня людей, но и всемерно заботиться о перспективах развития страны, а значит, о формировании достойного багажа знаний, адресованного подрастающему поколению, которое совсем скоро займет ключевые посты в органах власти и управления.

Решать все эти непростые задачи должно было специально созданное для этой цели министерство, главным направлением деятельности которого здравый смысл подсказывает определить как содействие созидательным процессам в школах, лицеях, вузах и научных структурах, освобождение всех их от рутины материальных, хозяйственных, бытовых проблем, бюрократических проволочек, назойливого контроля и мелочной опеки со стороны внушительной когорты инспекторов и проверяющих самого разнообразного калибра.

На самом деле все произошло с точностью до наоборот: высшая чиновничья структура не только не облегчила жизнь людям, чье предназначение воистину благородно – сеять разумное, доброе, вечное, но превратила их существование в кромешный ад, методично разрушая все самое ценное, что осталось от советского наследия, практически ничего не предпринимая для модернизации организационных условий деятельности учителей, преподавателей и ученых, опутав всех их нескончаемым валом чудовищного по объему документооборота, никому, кроме самих работников министерства, не нужного, но отнимающего у его исполнителей массу сил, нервов и времени.

Чтобы не быть голословным, обратимся к сегодняшней практике работы подавляющего большинства российских вузов. Все они находятся под дамокловым мечом брызжущих ключом несметного количества инициатив работников аппаратного цеха министерства по изменению в тех или иных отраслях знаний государственных стандартов, сроки полезного действия которых непостижимым образом все время неумолимо сокращаются.

Преподаватели, не успевшие перевести дух от изнурительной работы по сопровождению недавно введенного нормативного акта (а это написанные кучи РПД, программ всевозможных практик и аттестаций, выдуманных матриц и таблиц самых невероятных по звучанию и назначению компетенций), с ужасом узнают, что не более года действовавший и со всех сторон обмусоленный ненавистный стандарт приказал долго жить и должен быть заменен на еще более утомительную и канительную процедуру введения нового его аналога, уже подготовленного в недрах неутомимого в своих отправлениях чиновничьего ведомства.

Руки опускаются у бедных и бесправных преподавателей, им опять не суждено засесть за чтение появившихся научных новинок, учесть в рамках учебных дисциплин все происшедшие изменения в меняющихся условиях производственной деятельности, не изложить в формате статьи давно вынашиваемые творческие идеи, не уделить должного внимания устаревшим кон-

спектам своих лекций для их переработки и не поддерживать как руководителю подвижнические потуги своих аспирантов.

Как долго будет продолжаться начатая несколько лет назад эта вакханалия бумаготворчества неумных в своем рвении аппаратчиков, не только отвлекающая огромные педагогические коллективы страны от выполнения ими профессионального долга, но и способствующая массовому одичанию и отуплению преподавателей, самым непосредственным образом сказывающихся на и так не высоком уровне знаний студентов? Ведь ни для кого не секрет, что разработанные к предстоящей проверке чиновников тонны документов затем, после ее окончания, превращаются в макулатуру, они никем и никогда не востребованы, ибо не представляют собой ни малейшей когнитивной ценности.

Вот и получается, что учебный процесс происходит сам по себе, а документы по его регламентации существуют отдельно, и эти две линии никогда не пересекаются, хотя и чертятся на ватмане жизни одними и теми же людьми. Навязываемый вузам так называемый «компетентностный подход» к образовательному процессу – не более чем фикция, мыльный пузырь, надуваемый для удовлетворения собственных амбиций гвардией невежд из профильного ведомства, которых действительное состояние дел в образовании нисколько не беспокоит, им комфортнее и спокойнее судить о нем по иллюзорным показателям официальной отчетности.

Стремление утилизировать и стандартизировать высшую школу, унифицировать учебный процесс, заформатировать и зарегламентировать творческую энергию преподавателей резко негативно сказывается на содержательности образовательных услуг, оказываемых вузами контингенту студентов. Штамповка исключаящих проявление созидательной инициативы нормативных документов, навязываемая Минобром институтам, академиям и университетам, закономерно приводит к утрате многими из них собственного своеобразия и неповторимого профессионального имиджа, способствует снижению квалификационного уровня профессоров и доцентов, постепенному исчезновению из их состава ярких и колоритных личностей, а как следствие – к процветанию в педагогической среде серости и унылого однообразия. **Стандарт убивает творчество** – этот лозунг может быть написан на знамени профильного министерства, ибо он лежит в основе практически всех действий чиновников, осуществляемых на ниве образования. Трудно придумать что-либо более для последнего вредоносное и непотребное.

В схожем положении пребывает и вершина «образовательной пирамиды» – наука и подготовка научных кадров, руководство которой, ничтоже сумняшеся, взвалили на себя те же чиновники и на протяжении всех последних лет гробили ее с не меньшим успехом. Известно, что когда рутинный человек берется возглавлять творческий коллектив – жди беды. Она и пришла, когда на шею ученых надели ярмо Минобра с неистощимыми выдумками его работников на указания, распоряжения и разъяснения.

Науку в настоящее время подменили шарлатанством, в результате чего ее теоретические достижения и, соответственно, практические успехи приблизились к нулевой отметке. Приращения знания о природе и обществе почти не наблюдаются совсем, зато околonaучная возня и суетливая трескотня в

рамках банального мировоззрения и трафаретного мышления приобрели невиданные прежде размеры. Оригинальность уступила место шаблону, неординарность – посредственности, а эксклюзивность – массовости, в погоне за которой было упущено самое главное в исследованиях – установление истины.

Разве когда-либо прежде была похожа наука на вымуштрованную армию безликих исполнителей заказа государственной власти, строем осваивающая целину непознанного? Имена известных ученых, совершавших великие открытия, во все времена сверкали редкими бриллиантами, извлекаемыми из-под огромных пластов пустой породы, даже в золотой XIX век – период расцвета научной мысли. История не знает прецедентов тотального приобщения интеллигенции к разработке золотой жилы науки с целью резкого повышения от нее отдачи. Это невозможно в принципе, поэтому тот путь, который наметили себе чиновники от науки, есть ее ересь, выглядящая как откровенная дикость.

Остановлюсь только на самых одиозных конструкциях нынешнего каркаса научной инфраструктуры в государстве, в которой главенствующее положение занимает подготовка кадров высшей квалификации, а в качестве характерного примера приведу положение дел в экономике – сфере, мне давно и хорошо знакомой.

В советское время аспирантура была самым престижным местом распределения молодых специалистов. При этом конкурс на место в аспирантуре был очень большой, а престиж аспиранта – весомым. Скажем, по экономическим специальностям аспирантура (докторантура) и соответствующие Советы для аспирантов, докторантов и соискателей существовали только в Москве, Ленинграде, Томске, Новосибирске и столицах союзных республик. Руководили молодыми научными работниками настоящие специалисты в своей области – компетентные, эрудированные, образованные, что и обеспечивало качественную подготовку и переподготовку научных кадров. А что мы имеем сейчас? Почти в каждом областном (краевом) центре существуют свои Советы.

Платная основа аспирантуры обуславливает приток в науку людей далеких от нее, жаждущих получить искомую степень любым путем. Кандидатская степень потеряла свой престижный статус, на очереди – докторская. Диссертация в том виде, в каком она существует сейчас, уже изжила себя, представляет собой для действительно талантливого ученого непомерную обузу, никому не нужную рутину, на которую уходит четыре–пять лет, а то и больше.

Существующие собственные научные разработки ученый должен представить в виде громоздкого, раздутого фолианта, пройдя при этом множество надуманных крючкотворных процедур и экспертиз, истратив кучу бумаги, нервов и денег. После пресловутой «защиты» соискатель еще в течение шести–двенадцати месяцев мается, ожидая итогов так называемого утверждения своей степени в ВАКе. Эта громоздкая, неуклюжая система получения искомой степени навязывается соискателю вследствие отсутствия разумной альтернативы, отвергаемой Советами и другими аффилированными с ними учреждениями, зарабатывающими на мучениях молодых ученых. Назрела объ-

ективная необходимость слома инерционного механизма подготовки научных кадров, которые бы обеспечил как снижение индивидуальных затрат на получение ученой степени, так и вытеснение из науки бюрократического аппарата, что позволило бы значительно повысить эффективность научных исследований.

Упоминаемой выше альтернативой упраздненным Советам могло бы стать создание экспертных департаментов в составе того же ВАКа, состоящих из уважаемых и квалифицированных ученых по специализированным отраслям науки. Решение о присвоении ученых степеней департаменты выносили бы не по результатам двухступенчатой процедуры традиционной защиты, а по итогам публикаций в научных журналах, учрежденных в соответствии с нынешним перечнем научных направлений. Наличие таких публикаций уже представляло бы собой заявку ученого на получение искомой степени. Это позволило бы избавиться от многочисленных никому не нужных сборников всевозможных тезисов, содержащих на 99% прописные истины, компиляции, пустопорожные предложения, наукообразные утверждения и т.д., лишь засоряющие в своей огромной массе библиотечный фонд. При этом право на публикации в таких журналах имели бы только соискатели ученых степеней. Отказ в публикации означал бы отсутствие в тексте статьи новых или оригинальных разработок по теме исследования. Какая огромная экономия бюджетных средств могла бы быть получена при реализации этого проекта!

Практика последних лет, когда в науку стремятся все большее количество чиновников и «денежных мешков» для удовлетворения своих личных амбиций с целью повысить собственный карьерный имидж, привела к снижению уровня достигнутых конечных результатов, коммерциализации когнитивной сферы жизни, выхолащиванию творческих начал из науки как таковых вообще. Об этом наглядно и неоспоримо свидетельствует целая череда громких скандалов, сотрясших научный мир, которые связаны с присвоением ученых степеней людям малообразованным, бездарным и даже проходимцам. Это ли не свидетельство глубочайшего кризиса современной науки?

Соискатели, получив долгожданную «лычку», этим полностью удовлетворяются, совершенно не утруждая себя дальнейшими «исследованиями». Защита ради получения научной степени занимает в настоящее время весьма весомую нишу в системе подготовки научных кадров. Очень плохо, что в науке, в отличие, скажем, от существующей практики аттестации медицинских работников, нет системы последующего контроля квалификации творческих кадров, предполагающего определенные критерии оценки эффективности их деятельности в период после зачисления последних в ранг остепененных. На наш взгляд, необходимо ввести механизм перееаттестации кандидатов и докторов наук, скажем, раз в пять лет для подтверждения действительности полученной научной степени. Это может быть количество публикаций, число подготовленных молодых ученых, величина научно-методических (учебно-методических) разработок и т.д. Критерии можно подобрать, главное же – реализовать такой порядок в принципе.

Еще одним абсурдным нововведением отечественных реформаторов стало введение и повсеместное использование в повседневной жизни критерия

оценки значимости научных свершений исследователя – пресловутого коэффициента Хирша. Считается, что чем он выше у индивида, тем более весом его вклад в обновление знания. Но так ли это? На самом деле данный показатель есть мера экстенсивности затраченной человеком энергии по тиражированию своих наспех скомпилированных опусов, никогда не заключающих или очень редко содержащих в себе зерно нетривиальной мысли.

Широко распространенная практика самоцитирования и обоюдочитований двух и более авторов позволяет в короткие сроки достичь требуемых, а то и предельных значений искомого коэффициента. Но к подлинной науке этот процесс не имеет никакого отношения, а его отягчающими последствиями являются, во-первых, научная недобросовестность «творца» и попрание им элементарных норм научной этики, во-вторых, полная дискредитация статуса ученого, а в-третьих, превращение в огромный склад мусора информационного научного фонда, в дебрях которого уже практически невозможно отыскать действительно талантливое произведение. Добавлю к этому еще резко снижающееся год от года качество большинства специальных рецензируемых научных изданий, даже самых известных из них, в статьях и книгах которых глубина и новизна исследования, как правило, подменяются отчетливо просматривающейся конъюнктурой, убогой эклектикой и невнятными пространными комментариями.

Другой серьезной проблемой является низкий качественный уровень предоставления образовательных услуг по экономическим специальностям. Речь идет прежде всего о том, что в преподавании базовых научных дисциплин, как и в советское время, отсутствует теоретическая платформа, обеспечивающая научную обоснованность излагаемого учебного материала. Общественные дисциплины базируются не на содержательном изложении экономических законов, а на конспективном переложении законодательных основ регламентации национальной экономики и инструктивных материалов деятельности ее важнейших субъектов. Именно вследствие этого происходит частая сменяемость содержания учебников, вносящая естественные хаос и путаницу в умы студентов высших учебных заведений. Описательность нормативно-правовых документов и служебных инструкций не должна и не может быть положена в основу изучения любой учебной дисциплины.

Застой в научных исследованиях обусловил и очень низкий уровень учебно-методической базы вузов. Возьмем, к примеру, такие базовые экономические дисциплины, как «Финансы», «Бюджет и бюджетная система», «Налоги и налогообложение». Учебники по последним двум из них на две трети состоят из изложения статей Бюджетного и Налогового кодексов, многие из которых на практике просто не работают. Предмет «Налоги и налогообложение» постоянно, с каждым годом претерпевает серьезную переработку по содержанию из-за законодательных изменений в размерах налоговых ставок, ввода новых и прекращения действия отдельных налогов, пропорций распределения регулирующих налогов по уровням бюджетной системы и т.п. Предмет «Бюджет и бюджетная система» целиком и полностью входит в дисциплину «Финансы», что ставит под сомнение необходимость их одновременного изучения.

Таким образом, можно резюмировать, что характерными чертами нынешней системы образования и науки в России являются отсутствие их полноценной государственной поддержки, подмененной административным диктатом, застой в научных исследованиях, бюрократизация учебного и научного секторов, низкое качество учебно-методической базы вузов по экономическим дисциплинам. До тех пор пока этот, как и любой другой сегмент непроизводительной сферы общества, будет финансироваться исключительно по остаточному принципу, отдаваться на неподконтрольный откуп чиновничьим структурам и находиться вне приоритетных целей национальной экономической политики, насущная реформа в системе образования и науки так и останется благим пожеланием.

Shvetsov Y.G., D. Econ. Sc., Ghief of Department Altai State Technical University of name I.I. Polzunov (Barnaul, Russia). E-mail: yu.shvetsov@mail.ru.

ABOUT THE BUREAUCRATIZATION AND SLUGGISHNESS IN THE EDUCATIONAL AND SCIENTIFIC NON-PRODUCTIVE SECTORS OF RUSSIAN FEDERATION

Keywords: education, science, government expenditures, the ministry, higher educational institutions, teachers, scientists, national standard, creativity, Higher Attestation Commission, postgraduate studies, dissertations, dissertation councils, Hirsch index, social disciplines.

The article addresses the crisis state issues of education and science systems in Russia. The most important factors contributing to the low level of educational services of the country institutions, as well as the causes of low efficiency of scientific research are identified and analyzed.

Comparative characteristics of education and science systems of the USSR and the Russian Federation are examined. The negative role of Russian education ministry in the management of science and education in the community is given.

Shvetsov Y.G. О бюрократизации и застое в образовательном и научном секторах непроизводительной сферы РФ [About the bureaucratization and sluggishness in the educational and scientific non-productive sectors of Russian Federation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika* – Tomsk State University Journal of Economics, 2017, no 37, pp. 265-273.